

В. А. Шкерин

Речь С. Д. Нечаева «О выборе предметов в изящных искусствах вообще»: к биографии литератора-декабриста*

Называя Степана Дмитриевича Нечаева (1792–1860)¹ литератором-декабристом, мы фиксируем и объединяем два факта его биографии: он был плодовитым поэтом, автором афоризмов, статей, травелогов и состоял в тайном декабристском обществе «Союз благоденствия». Почему это простое обстоятельство необходимо оговорить в самом начале статьи?

Утвердившиеся в литературоведении термины «литературный декабризм» и «декабристская литература» обозначают особое направление в русской литературе 1810–1820-х гг. и соответствующую ему художественную общность, в которых помимо собственно декабристов важные роли отведены А. С. Пушкину (в тайных обществах не состоявшему) и А. С. Грибоедову (причастность которого к декабристской конспирации остается предметом дискуссии)². Утверждается, что «декабристская литература» представляла собой «направление, совсем противоположное карамзинизму»³, что наиболее значимыми для нее были такие жанры гражданской поэзии, как ода, трагедия, сатира и героический гимн, а в прозе — романтическая повесть⁴. Если же поэт-декабрист сочинял, например, любовную лирику, то этот факт трактуется как «странность», «исключение», как нечто уводившее в сторону от «декабристской поэтической линии»⁵.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649; <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>

С этой точки зрения творческое наследие С.Д. Нечаева выглядит почти полностью чуждым «литературному декабризму». «Его литературную среду составляют московские карамзинисты с сильными “архаическими” симпатиями... сам он тяготеет к поэзии конца XVIII века, где своеобразно переплелись черты позднеклассической и сентиментальной поэтики, — так характеризовал этого литератора В.Э. Вацуру. — Культ чувствительности, сентиментального “дружества”, уединения сочетается у Нечаева с обращением к гедонистической лирике, галантным “стихам на случай” — и, с другой стороны, к дидактическому посланию аллегорического характера и даже оде»⁶. Позже маститый литературовед отметил неоднозначность литературной среды Нечаева: «Он делил свои симпатии между “классиками” и “романтиками”, находя у первых более “красоты и симметрии”, у вторых — более “прелести и истины”; он сохранял приятельские отношения с Бестужевым-Марлинским, Вяземским, Александром Тургеневым, но также с Каченовским, с которым вместе осудил “Кинжал” Пушкина...»⁷ И все-таки, по заключению Вацуры, сам Нечаев оставался «классиком», но «не периода расцвета, а периода стабилизации и увядания сентиментальной поэзии», что «наложило на его позицию особый отпечаток»⁸.

Неизвестно, кто и при каких обстоятельствах принял С.Д. Нечаева в Союз благоденствия, но датировать это событие следует 1818 г., так как в начале 1819 г. он уже сам пытался основать управу тайного общества в Туле⁹. С 1819 и до 1826 г. Нечаев публиковал в журнале «Вестник Европы» свои «Мысли и замечания». «В критической своей части его размышления сближаются с программой Союза благоденствия; он близок к ней и там, где ставит перед искусством задачи нравственного воспитания... — писал В.Э. Вацура. — Позитивная программа его, однако, — в самопознании и самоусовершенствовании на религиозной основе, и свободу нравственную он декларативно предпочитает свободе политической»¹⁰. «Зачем люди стремятся приобретать политическую свободу? Не довольно ли для них нравственной?» — риторически вопрошал Нечаев в предкризисном 1824 г.¹¹

Из-за несоответствия С.Д. Нечаева образу «первого русского революционера» составители сборников декабристской поэзии либо помещали его произведения в раздел «гражданской поэзии эпохи декабризма», в котором он оказывался единственным членом тайных обществ¹², либо ставили в один ряд с иными поэтами-декабристами, но открывал этот ряд А.С. Пушкин¹³.

Действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете (далее — ОЛРС) С.Д. Нечаев стал 30 октября 1820 г. К этому событию он шел постепенно. Еще в феврале 1817 г. профессор Московского университета А.Ф. Мерзляков представил в ОЛРС нечаевский перевод «Горациевой оды к Манлию Торквату», в апреле того же года В.Л. Пушкин прочел его стихотворение «Время любить», затем Нечаев передал ОЛРС «Собрание провинциальных слов Тульской губернии». Все эти произведения были в разное время опубликованы в «Трудах» ОЛРС¹⁴.

В ноябре 1820 г., вскоре после принятия в ОЛРС, С. Д. Нечаев выступил перед сочленами с речью, озаглавленной «О выборе предметов в изящных искусствах вообще». В 1822 г. речь также была опубликована в «Трудах» ОЛРС¹⁵, рукопись же ее хранится в фонде С. Д. Нечаева и его сына Ю. С. Нечаева-Мальцова в РГИА¹⁶. Разночтения между рукописным и опубликованным текстами минимальны (в частности, в архивном варианте речь называется несколько иначе — «Мысли о выборе предметов...» и т. д.).

Стремление нового члена к самопрезентации в ОЛРС — достаточная причина для такого публичного выступления. Однако важно и то, что в это время С. Д. Нечаев состоял членом Союза благоденствия. И, согласно первой части «Законоположения» тайного общества (также именуемой «Зеленой книгой»), был «обязан с дозволения Союза вступать во все правительством одобренные, о нравственности пекущиеся общества» и стараться «изыскивать средства изящным искусствам дать надлежащее направление, состоящее не в изнеживании чувств, но в укреплении, благородствовании и возвышении нравственного существа нашего»¹⁷. Такое ли направление призывал дать «изящным искусствам» Нечаев?

«Не подлежит никакому сомнению влияние искусств на образованность гражданских обществ, — говорилось в его речи. — Куда ни проникали сии утешители человеческого рода, повсюду нравы смягчались, вкусы становились благороднее, в удовольствие входило более замысловатости и утончения. Но не всегда и не везде способствовали они к утверждению нравственности, которая должна быть истинною целию и вожденным плодом образования народного. Действие их, часто подобное животворному бальзаму, превращается иногда в сладкую и тем опаснейшую отраву для сердца»¹⁸.

По сути, здесь воспроизведено то же противопоставление, что и в «Зеленой книге»: искусства должны способствовать «утверждению нравственности» / «возвышению нравственного существа», но могут и составлять «опаснейшую отраву для сердца» / вызывать «изнеживание чувств».

«Откуда сия разительная противоположность?» — вопрошал Нечаев. Ответ он искал через дифференциацию понятия изящного: «В изящном находим мы вообще или *высокое* или *прелестное*¹⁹. *Высокое* поражает, волнует, пленяет благороднейшую натуру человека — дух его бессмертный. Священный ужас, восторг, благоговение, — вот ощущения, по коим отличите предмет возвышенный! *Прелестное* напротив оказывает власть свою над низшею натурою, над нашею чувственностью, которая для наслаждения своего ищет впечатлений более приятных, нежели сильных. Утехи мечтательности, воспаление страсти, очарование и нега чувств сопутствуют *прелестному*... Столь великая разность в действии сих двух родов *изящного* не позволяет думать, чтоб оба, и *высокое* и *прелестное*, могли быть соединены в каком-либо предмете: по крайней мере, одно будет в нем столько господствовать, что другое останется едва ли приметным достоинством»²⁰.

«Эпитет “высокий” — один из наиболее распространенных компонентов декабристского словаря...» — отмечал литературовед Л. Г. Фризман²¹. О том же писал В. Г. Базанов, приводя ряд примеров из стихотворных произведений К. Ф. Рыльева («Высоких дум кипящую отвагу»), В. Ф. Раевского («Страстей высоких юный жрец»), Ф. Н. Глинки («Души высокую свободу»), В. К. Кюхельбекера («Святые таинства высокого искусства»), а также А. С. Пушкина («Души высокие порывы», «И дум высокое стремленье») и А. С. Грибоедова («К искусствам творческим, высоким и прекрасным»)²².

Разумеется, о высоком рассуждали не только представители литературного декабризма. Так, деятельный член ОЛРС профессор А. Ф. Мерзляков цитировал одного из своих учителей — профессора П. А. Сохацкого (умершего в 1809 г.): «...сколь превосходны действия высокого вкуса, столь вреден и пагубен сей вкус мелкий и разнеженный. Мало доброй надежды там, где он получит господство, ибо всякой привыкает к красивым безделкам, приписывает высокую цену самым бесполезным вещам, только лишь бы они прельщали фантазию, и, что всего хуже, самый гнусный порок считают похвальным, если представлен будет пленительно и замысловато. Оттого дух теряет всю свою крепость и отвращается от всего великого, важного и высокого, потому что оно не столь трогает изнеженное мечтание»²³.

В 1813 г. будущий сенатор и тайный советник А. П. Гевлич защитил написанную в русле кантианской эстетики докторскую диссертацию «Об изящном» и пятью годами позже издал ее отдельной книгой. Отметив «разномыслие» современных ему исследователей в трактовке понятия «изящного», Гевлич приступал «к его разделению»: «Вся сфера изящного... делится на *высокое* или *великое*, *изящное* в тесном смысле или *прекрасное* и на *прелестное* или *грацию*»²⁴. Прекрасное для автора — «середина всей сферы» или, другими словами, норма: «Высокое поражает, ужасает, выводит из себя; прекрасное нравится, приносит чистое удовольствие, располагает человека к истине, к добру; прелестное, собственно сказать, привлекает, нежит»²⁵. Нечто подобное находим и у самого И. Канта: «Представляя возвышенное в природе, душа ощущает себя *взволнованной*, тогда как при эстетическом суждении о прекрасном она находится в состоянии *спокойного* созерцания. Эту взволнованность можно (особенно в ее первые минуты) сравнить с потрясением...»²⁶

Действие высокого Гевлич и Нечаев описывали с помощью одних и тех же или близких эпитетов: «поражает», «ужасает», «священный ужас» и т. д. На этом сходство заканчивается. По версии Гевлича, человек приходит «к истине, к добру», испытывая «чистое удовольствие» от «прекрасного». По мнению членов Союза благоденствия (и в их числе Нечаева), «утверждение нравственности» достигается через потрясение «высоким». «Сферу изящного» декабристы делили не натрое, а надвое — на противоборствовавшие «высокое» и «изящное», исключая срединное «прекрасное». «В словесности допускается только истинно изящное и отвергается все худое и посредственное», — поучала «Зеленая

книга», разъясняя, что «истинно изящное есть все то, что возбуждает в нас высокие и к добру увлекающие чувства»²⁷.

Для доказательства превосходства «высокого» над «прелестным» С. Д. Нечаев как человек позднего российского Просвещения обращался к античным образцам: «Республика Ликургова в то только время удивляла мир своими Леонидами, когда строго изгоняла из среды своей лстящие одной чувствительности искусства»²⁸. «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (книга из школьной программы XVIII–XIX вв.) сообщали о приглашении Ликургом в Спарту Фалета Критского, чьи «песни были призывом к повиновению и согласию», как и о том, что Ликург «переписал и собрал» поэмы Гомера, «найдя, что в них... заключено много чрезвычайно ценного для воспитателя и государственного мужа»²⁹. Общеизвестность этих сведений для образованного россиянина той поры подтверждал В. К. Кюхельбекер, писавший, что Ликург и Солон, «как известно, занимались собиранием рапсодий, составивших впоследствии “Илиаду” и “Одиссею”»³⁰. Древние Спарта и Рим, по Нечаеву, «утратили владычество, необычайною доблестию приобретенное, как скоро изящные искусства, не укрепляя, не возвышая более духа величественными предметами, повергли граждан... в порочную изнеженность рабским угождением низкому вкусу. Так, <...> падение царств непосредственно следует за порчею нравственности, расслабление сил душевных, неразлучное с сею развращенностью, проистекает большею частию от злоупотребления изящных искусств, включая в их число и Словесность»³¹.

От примеров из древней истории С. Д. Нечаев переходил к описанию воздействия разных родов «изящного» на воспитание юношества (декларируемое как одна из важнейших задач Союза благоденствия). Вначале он характеризовал индивида, на формирование которого повлияли «сочинения, прославляющие чувственные удовольствия»: «Подлый раб страстей своих, он будет жестокой тиран ближним, — и горе обществу, питающему в недрах своих много членов, столь опасных неисцелимым своим повреждением»³². Ему противопоставлялся человек, «которому изящные искусства завещали... страсть к высокому»: «В твердой душе его хранится чистый идеал красоты неземной, который, подобно компасу в бурном океане жизни, поведет его верною стезею доблести, покажет в нем свету ангела-утешителя и защитника человечества»³³. Высокая нравственность рассматривалась как базис общественного блага. Неудивительно, что «Зеленая книга» называла нравственность «главным предметом воспитания»³⁴.

«Не близкое подражание природе, не красивость выражения соделывают имя писателя или художника любезным для современников, священным для потомства», — утверждал С. Д. Нечаев, а лишь «одна нравственная польза определяет истинное достоинство в произведениях искусства»³⁵. Подобные же мысли содержались и в «Зеленой книге»: «...сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей, но «в непритвор-

ном изложении чувств высоких и к добру увлекающих» и, с другой стороны, «описание предмета или изложение чувства, не возбуждающего, но ослабляющего высокие помышления, как бы прелестно не было, всегда недостойно дара поэзии»³⁶.

Какие темы в изящных искусствах предпочтительны для нравственного воспитания? Докладчик назвал только две. Первая — отечественная история. Нечаев полагал, что общественный интерес «постепенно охлаждается к тем произведениям Словесности и вообще искусств изящных», чей сюжет почерпнут из «истории баснословной» (т. е. античной) или взят из жизни «современных, но чуждых нам народов». «Гораздо сильнее действие предмета, взятого из преданий отечественных, из событий непосредственно до нас касающихся, из особенных мнений, царствующих в каждом веке и народе, — настаивал он. — Сей-то тайне дарования обязаны, может быть, решительным успехом творения Ломоносова, Хераскова, Державина. В наше время подобный выбор предметов наиболее доставляет славы Дмитриеву, Озерову и Жуковскому. По той же причине произведения Фалконета и Мартоса имеют в очах наших достойную цену»³⁷.

Будучи владельцем части Куликова поля, С. Д. Нечаев стал первым исследователем и популяризатором места знаменитой битвы 1380 г. Уже с 1816 г. он был связан с Обществом истории и древностей российских при Московском университете: вначале на правах члена-соревнователя, с февраля 1825 г. — как его действительный член, а с мая 1851 г. — как почетный³⁸. Он же выступил инициатором установки памятника на месте Мамаева побоища: «Если благодарное потомство, благоговей к принесенной здесь жертве за свободу отечества, почитит достойным памятником столь знаменательное место, то можно полагать за верное, что одна из сих высот избрана будет пьедесталом для сей святыни»³⁹. И как раз в 1820 г. Нечаев вел переписку по поводу создания монумента князю Дмитрию Донскому со скульптором И. П. Мартосом, уже прославленным открытием памятника Минину и Пожарскому в Москве⁴⁰. Не случайно Мартос упомянут (как и автор трагедии «Димитрий Донской» драматург и поэт В. А. Озеров) в нечаевской речи.

Другой выигрышной для нравственного воспитания темой С. Д. Нечаев называл христианство: «Признавая особенную занимательность и великую пользу предметов отечественных, я весьма далек, однако, от того, чтоб дать им преимущество над предметами Святой нашей Религии. В таинственных бытописаниях Еврейского народа, в Священных книгах Христианства должно искать истинно *высокого*, пред коим все человеческое падает долу»⁴¹. И в этом Нечаев также не противоречил «Зеленой книге», учившей, что «человек не иначе, как с помощью веры, может преодолеть свои страсти, противостоять неприятным обстоятельствам и таким образом шествовать по пути добродетели», что «укрепление молодого человека в правилах веры и приверженности к оной есть сильнейшее средство к образованию его нравственности»⁴².

Словами о вере и религии докладчик завершал свою речь, риторически посетовав, что «предмет сей далеко превосходит мои силы», а также воззвал к снисхождению слушателей — «сделал, что мог»⁴³.

Руководствовался ли С. Д. Нечаев сформулированными в этой речи принципами — служить высокому, избегать прелестного — в своем дальнейшем литературном творчестве? В 1824 г. он опубликовал «Застольную песнь греков» — единственное стихотворение, полностью соответствующее критериям литературного декабризма. Утверждается, что в стихах русских поэтов, посвященных Греческой революции 1820-х гг. (Нечаева в том числе), «обязательно присутствуют античные имена и образы»⁴⁴. Но Нечаев в этом случае обошелся без Эллады и Леонида, упомянув единожды греков в заглавии, а богиню чистоты и справедливости Астрею — в самом тексте, и более не вуалируя именами-символами, что пишет о своей отчизне:

Исчезнут мрачны препинанья,
Замолкнет грустный звук цепей,
И совершатся ожидания
Отчизны истинных друзей.
Свободы песнь благословенна
Промчится по родным полям,
С землей забытой примиренна,
Астрея⁴⁵ возвратится к нам.
Тогда мы братский круг составим
И, разогнав тиранства тень,
Отчизны светлый день прославим,
Как славим ныне дружбы день!⁴⁶

До и после этой вспышки свободолюбивого таланта, так же как до и после произнесения и публикации программной речи в ОЛРС, большая часть стихотворений С. Д. Нечаева — это сентиментальная, альбомная лирика, в которой обильно использованы вариации эпитета «прелестное»: «Когда бы Лиды взор прелестной», «К прелестным сим местам», «Там дивны прелести Востока», «Прелестны юности мечты» и т. п. Член Союза благоденствия московский литератор Петр Муханов писал в 1825 г. в «Мыслях и замечания в духе Лабрюйера», ничьих имен не называя, но, возможно, имея в виду и своего знакомого Нечаева: «Часто порыв к высокому принимают за чувство высокое, но порывы сии похожи на французские духи: их запах вылетает, и остается ни к чему не годная жидкость»⁴⁷.

Последние прижизненные публикации стихов С. Д. Нечаева и последние «Мысли и замечания» датированы 1826 г. Тогда же вышли его «Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России», публикацию которых издатель Н. А. Полевой предварил напрасной надеждой на продолжение⁴⁸. В дальней-

шем Нечаев лишь изредка публиковал заметки о находках древних артефактов, об археологии. В 1858 г., после десятилетнего перерыва в занятиях, возродилось ОЛРС⁴⁹. Нечаева как давнего члена общества неоднократно приглашали к участию в заседаниях, но он отказывался «по болезненному состоянию». Наконец, 9 февраля 1859 г. он письменно просил председателя А. С. Хомякова «о благосклонном увольнении... от всех по званию Действительного Члена обязанностей», прощаясь с обществом пожеланием «прочного преуспеяния»⁵⁰. Через полтора года С. Д. Нечаева не стало.

Но вернемся к речи «О выборе предметов в изящных искусствах вообще». И первая часть «Законоположения Союза благоденствия», и эта речь отрицали самоценность искусства и видели его назначение в служении «общему благу», укреплению нравственности и добродетели, воспитанию юношества. Нечаевская речь даже более категорична в противопоставлении высокого и прелестного: в «Зеленой книге» второе понятие не имело столь однозначно-отрицательной коннотации. Конечно, в публичном выступлении не могло быть прямых отсылок к уставному документу тайного общества, но знакомство автора с текстом «Зеленой книги» несомненно. Похожие идеи высказывались в то время и в подцензурных публикациях авторов, с тайным обществом не связанных. Однако именно на этапе Союза благоденствия (1818–1821) движение декабристов рассчитывало достичь кардинальных политических перемен через воздействие на общественное мнение и потому прямо указывало находившимся в его составе литераторам, какие идеи поддерживать и пропагандировать. Историк-декабристовед В. С. Парсамов, отвергающий «научный миф о декабристской литературе», тем не менее считает правомерным говорить о литературной политике Союза благоденствия⁵¹. В это же время петербургское Вольное общество любителей российской словесности, хоть и не стало, как полагал В. Г. Базанов, «литературным плацдармом декабристов»⁵², но с лета 1819 г. работало под председательством члена Коренной думы Союза благоденствия Ф. Н. Глинки. В московском ОЛРС декабристы подобным влиянием не располагали. В свете сказанного и учитывая, что С. Д. Нечаев излагал членам ОЛРС идеи и эстетические принципы, которыми в своем творчестве руководствовался крайне редко, логично рассматривать его речь 1820 г. не как индивидуальное выступление, а как пропагандистскую акцию Союза благоденствия.

¹ О нем см.: *Мухина С. Л.* Безвестные декабристы (П. Д. Черевин, С. Д. Нечаев) // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 231–251; *Глаголева О. Е.* Основатель народных училищ Степан Дмитриевич Нечаев // Гордость земли Тульской (Замечательные люди нашего края). Тула, 1991. Т. II. С. 337–342; *Шкерин В. А.* От тайного общества до Святейшего Синода: Декабрист С. Д. Нечаев. Екатеринбург, 2005; *Грачева И. В.* «Путь трудной чести и добра...»: Жизнь и творчество С. Д. Нечаева. Рязань, 2009.

- ² *Базанов В.* Очерки декабристской литературы: публицистика, проза, критика. М., 1953. С. 4; *Макогоненко Г. П.* О романтическом герое декабристской поэзии // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 6–24; *Ложкова Т. А.* Система жанров в лирике декабристов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 16–19 и др.
- ³ *Базанов В.* Очерки... С. 5.
- ⁴ История русской литературы: в 4 т. Т. 2: От сентиментализма к романтизму и реализму / Ред. Е. Н. Купреянова. Л., 1981. С. 150–188.
- ⁵ *Ложкова Т. А.* Средства выражения лирической рефлексии в поэзии К. Ф. Рыльева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2005. № 11 (51). С. 77–83.
- ⁶ Поэты 1820–1830-х годов / Вступ. ст. и общ. ред. Л. Я. Гинзбург; биогр. справки, сост. и примеч. В. Э. Вацуро. Л., 1972. Т. 1. С. 97–98.
- ⁷ *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 215–216.
- ⁸ Там же. С. 216.
- ⁹ Отголоски 14-го декабря в Московском университете. Сообщил М. Гершензон // Русская старина. 1910. Февраль. С. 336.
- ¹⁰ *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. С. 216.
- ¹¹ С. Н. Мысли и замечания // Вестник Европы. 1824. № 6. С. 144.
- ¹² Декабристы: Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика / Сост. Вл. Орлов. М.; Л., 1951. С. 269, 636.
- ¹³ Струн вещей пламенные звуки... Стихотворения поэтов-декабристов / Сост. Вл. Муравьев. Свердловск, 1987. С. 250–256.
- ¹⁴ Словарь членов Общества любителей Российской Словесности при Московском Университете: 1811–1911. М., 1911. С. 205.
- ¹⁵ *Нечаев С.* О выборе предметов в изящных искусствах вообще // Сочинения в прозе и стихах: Труды Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском университете. М., 1822. Ч. 1. С. 26–36.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 96.
- ¹⁷ Законоположение Союза Благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 267, 271.
- ¹⁸ *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 27.
- ¹⁹ Здесь и далее курсив авторов.
- ²⁰ *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 27–29.
- ²¹ *Фризман Л. Г.* Декабристы и русская литература. М., 1988. С. 41.
- ²² *Базанов В.* Очерки... С. 218.
- ²³ *Мерзляков А. Ф.* О вернейшем способе разбирать и судить сочинения, особливо стихотворные по их существенным достоинствам // Литературная критика 1800–1820-х годов. М., 1980. С. 200.
- ²⁴ *Гевлич А.* Об изящном. СПб., 1818. С. 24.
- ²⁵ Там же. С. 29–30.
- ²⁶ *Кант И.* Критика способности суждения. М., 1994. С. 128.
- ²⁷ Законоположение... С. 244, 270.
- ²⁸ *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 29.
- ²⁹ *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 50.
- ³⁰ *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 135.
- ³¹ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 96. Л. 2 об. В печатной версии слова «включая в их число и Словесность» отсутствуют. См.: *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 29–30.
- ³² *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 30, 31.
- ³³ Там же. С. 31–32.
- ³⁴ Законоположение... С. 268.
- ³⁵ *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 32.
- ³⁶ Законоположение... С. 270.
- ³⁷ *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 33, 34.

- ³⁸ РГАДА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 3129. Л. 2. Л. 7, 10.
- ³⁹ С. Н. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. 1821. № 14. С. 128.
- ⁴⁰ Проект памятника на Куликовом поле: Из бумаг С. Д. Нечаева // Старина и новизна. СПб., 1905. Кн. 9. С. 1–6.
- ⁴¹ Нечаев С. О выборе предметов... С. 34–35.
- ⁴² Законоположение... С. 265, 268.
- ⁴³ Нечаев С. О выборе предметов... С. 36.
- ⁴⁴ Архитова А. В. Литературное дело декабристов. Л., 1987. С. 44.
- ⁴⁵ Упоминание покинувшей грешных людей небесной девы Астреи — очевидный намек на российские события 1822 г., когда, подчиняясь высочайшему рескрипту, в числе иных масонских мастерских объявила о прекращении своей деятельности и Великая ложа «Астрея». О членстве С. Д. Нечаева в ложах см.: Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 373, 1027, 1033.
- ⁴⁶ С. Н. Застольная песнь греков // Мнемозина. Кн. 3. 1824. С. 58–59.
- ⁴⁷ Муханов П. А. Сочинения и письмо. Иркутск, 1991. С. 143.
- ⁴⁸ Нечаев. Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России // Московский телеграф. 1826. № 1. С. 26–41.
- ⁴⁹ Гиляров-Платонов Н. П. Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 139–152.
- ⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4. Л. 19 — 19 об.
- ⁵¹ Парсамов В. С. Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. М., 2016. С. 117–148.
- ⁵² Базанов В. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 364.

References

- АРХИПОВА А. В. *Literaturnoe delo dekabristov* [The Literary Work of the Decembrists. In Russ.]. Leningrad, 1987.
- BAZANOV V. *Ocherki dekabristskoj literatury: publicistika, proza, kritika* [Essays on Decembrist Literature: Journalism, Prose, Criticism. In Russ.]. Moscow, 1953.
- BAZANOV V. *Uchenaja respublika* [Scientific Republic. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1964.
- FRIZMAN L. G. *Dekabristy i russkaja literatura* [Decembrists and Russian Literature. In Russ.]. Moscow, 1988.
- GLAGOLEVA O. E. *Osnovatel' narodnyh uchilishh Stepan Dmitrievich Nechaev* [The Founder of Public Schools Stepan Dmitrievich Nechaev. In Russ.] // *Gordost' zemli Tul'skoj (Zamechatel'nye ljudi nashego kraja)*. Tula, 1991. Vol. II. P. 337–342.
- GRACHEVA I. V. "Put' trudnoj chesti i dobra...": *Zhizn' i tvorchestvo S. D. Nechaeva* ["The Path of Difficult Honor and Goodness...": The Life and Work of S. D. Nechaev. In Russ.]. Rjazan', 2009.
- LOZHKOVA T. A. *Sredstva vyrazhenija liricheskoj refleksii v poezii K. F. Ryleeva* [Means of Expressing Lyrical Reflection in K. F. Ryleev's Poetry] // *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Lingvistika. 2005. No. 11 (51). P. 77–83.
- LOZHKOVA T. A. *Sistema zhanrov v lirike dekabristov* [The System of Genres in the Lyrics of the Decembrists. In Russ.]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Yekaterinburg, 2006.
- MAKOGONENKO G. P. *O romanticheskom geroe dekabristskoj poezii* [About the Romantic Hero of Decembrist Poetry] // *Literaturnoe nasledie dekabristov / Otv. red. V. G. Bazanov, V. Je. Vacuro*. Leningrad, 1975. S. 6–24.
- MERZLJAKOV A. F. *O vernejšem sposobe razbitat' i sudit' sochinenija, osoblivo stihotvornye po ih sushhestvennym dostoinstvam* [About the Surest Way to Analyze and Judge Compositions, Especially Poetic According to their Essential Merits. In Russ.] // *Literaturnaja kritika 1800–1820-h godov*. Moscow, 1980. S. 188–209.

- MUHANOV P. A. *Sochinenija i pis'ma* [Essays and Letters. In Russ.]. Irkutsk, 1991.
- MUHINA S. L. *Bezvestnye dekabristy (P. D. Cherevin, S. D. Nechaev)* [Unknown Decembrists (P. D. Cherevin, S. D. Nechaev). In Russ.] // *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1975. Vol. 96. P. 231–251.
- PARSAMOV V. S. *Dekabristy i russkoe obshhestvo 1814–1825 gg.* [The Decembrists and Russian Society 1814–1825. In Russ.]. Moscow, 2016.
- PLUTARH. *Sravnitel'nye zhizneopisanija: v 2 t.* [Comparative Biographies: in 2 vols. In Russ.]. Moscow, 1994. Vol. 1.
- Poety 1820–1830-h godov* [Poets of the 1820s and 1830s. In Russ.] / Vstup. st. i obshh. red. L. Ja. Ginzburg; biogr. spravki, sost. i primech. V. Je. Vacuro. Leningrad, 1972. Vol. I.
- SERKOV A. I. *Russkoe masonstvo. 1731–2000 gg.: Jenciklopedicheskij slovar'* [Russian Freemasonry. 1731–2000: Encyclopedic Dictionary. In Russ.]. Moscow, 2001.
- SHKERIN V. A. *От тайного обшhestva do Svjatejshego Sinoda: Dekabrist S. D. Nechaev* [From the Secret Society to the Holy Synod: Decembrist S. D. Nechaev. In Russ.]. Yekaterinburg, 2005.
- VACURO V. Je. *Lirika pushkinskoj pory: "Jelegicheskaja shkola"* [Lyrics of Pushkin's Time: "The Elegiac School". In Russ.]. St. Petersburg, 1994.
- Zakonopolozhenie Sojuza Blagodenstvija* [The Law of the Welfare Union. In Russ.] // *Izbrannye social'no-politicheskie i filosofskie proizvedenija dekabristov: v 3 t.* Moscow, 1951. Vol. 1. P. 239–276.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. А. Шкерин. Речь С. Д. Нечаева «О выборе предметов в изящных искусствах вообще»: к биографии литератора-декабриста // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 94–105

Аннотация: Утвердившиеся в литературоведении термины «литературный декабризм» и «декабристская литература» обозначают гражданское направление в русском романтизме 1810–1820-х гг. Помимо собственно литераторов-декабристов важная роль в этом направлении отводится А. С. Пушкину, никогда не состоявшему в тайных обществах. В качестве альтернативы мы рассматриваем случай литератора С. Д. Нечаева. Он был членом декабристского тайного общества Союз благоденствия, но в истории русской литературы остался как автор сентиментальных альбомных стихотворений и нравоучительных афоризмов. Его единственным стихотворением, исполненным подлинно гражданского пафоса, стала «Застольная песнь греков» (1823). Однако и для С. Д. Нечаева членство в тайном обществе не было пустой формальностью. В конце октября 1820 г. он также стал членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. А уже в ноябре С. Д. Нечаев выступил перед любителями российской словесности с речью «О выборе предметов в изящных искусствах вообще». Докладчик пропагандировал идеи и эстетические принципы, которых не придерживался в своем творчестве, но которые были закреплены в уставном документе Союза благоденствия. Так, он отрицал собственную ценность искусства и видел его назначение в служении общему благу, укреплению нравственности и добродетели, воспитанию юношества. В настоящей статье обосновывается предложение рассматривать речь С. Д. Нечаева 1820 г. не как его индивидуальное выступление, а как пропагандистскую акцию Союза благоденствия.

Ключевые слова: движение декабристов, Союз благоденствия, русская литература, Общество любителей российской словесности при Московском университете, С. Д. Нечаев, первая четверть XIX в.

FOR CITATION

**V. A. Shkerin. Speech by S. D. Nechaev “On the choice of objects in fine arts in general”:
to the biography of the Decembrist writer // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 94–105**

Abstract: The terms “literary Decembrism” and “Decembrist literature”, which have become established in literary criticism, denote the civil trend in Russian romanticism of the 1810s–1820s. In addition to the Decembrist writers themselves, an important role in this direction is assigned to A.S. Pushkin, who has never been a member of secret societies. As an alternative, we consider the case of the writer S. D. Nechaev. He was a member of the Decembrist secret society Union of Prosperity, but remained in the history of Russian literature as the author of sentimental album poems and moralizing aphorisms. His only poem filled with truly civic pathos was “The Drinking Song of the Greeks” (1823). However, for S. D. Nechaev, membership in a secret society was not an empty formality. At the end of October 1820, he also became a member of the Society of Lovers of Russian Literature at Moscow University. And already in November, S. D. Nechaev spoke to “lovers of Russian literature” with a speech “On the choice of objects in the fine arts in general”. The speaker promoted ideas and aesthetic principles that he did not adhere to in his own work, but which were enshrined in the statutory document of the Union of Prosperity. So he denied his own value of art and saw its purpose in serving the “common good”, strengthening morality and virtue, and educating youth. This article substantiates the proposal to consider the speech of S. D. Nechaev in 1820 not as his individual speech, but as a propaganda action of the Union of Prosperity.

Key words: Decembrists movement, Union of Prosperity, Russian literature, Society of Lovers of Russian Literature at Moscow University, S. D. Nechaev, the first quarter of the 19th century.

Автор: Шкерин, Владимир Анатольевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Author: Shkerin, Vladimir Anatol'evich — Dr. of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS

E-mail: shkerin_uit@mail.ru